

современному просторечному „голова кругом идет“ и, очевидно, оно является его прототипом. В „Лечебниках“ и „Травниках“ XVII в. встречаются подобные сочетания: „Аще у которого человека обходить глава“...¹ „Тъм у ково обморокъ обходить главной“.² „Очима не мощно на свѣт глядеть“ — живое бытовое сочетание. (ср., например, „очушки на свет не глядят“).³

„Скоро нас страсть взяла“ — совершенно совпадает с просторечным „такая меня страсть взяла“ — в значении „я испугался“ (слово „страсть“ в смысле „страх“ не зарегистрировано ни в „Материалах“ Срезневского, ни в картотеке ДРС АН СССР).

Надо заметить, что частица *ся*, поставленная отдельно, встречается довольно часто в псковских летописях, например: „не удасть ми *ся* лестию взяти“,¹ „а товара что *ся* остало“,² „толико борзо *ся* снятися“,³ и т. д.

Все описание битвы дано таким „смешанным“ языком: элементы книжного характера и в лексике и в формах теснейшим образом переплетаются с живым языком грамотного человека и с знакомыми нам фольклорными сочетаниями, например: „напустил Илья Муромецъ встрѣчу цареградским богатырем от своих товарищев в полуверствъ“ (стр. 34); „напустить“ в значении „напасть“ встречается в текстах былин об Илье XVIII в., но встречается и в Девгениевом деянии: „а храбри суть такови: единъ на сто напустить“.⁴ Этого значения не дают другие памятники, его нет и в „Материалах“ Срезневского и в картотеке ДРС АН СССР.

Форма просьбы, с которой обращаются в конце „Сказания“ богатыри к князю Владимиру, особенно резко выражает, по мнению В. Ф. Миллера, „холопский“ „московский“ дух: „я бьет челом илья муромец своими товарищи: государь князь владимер всеслаевичь, умилосердися пожалуй нас холопей своих“ (стр. 43). Но перед нами не что иное, как общая, обязательная и всем известная формула просьбы, которой начинаются и кончаются все челобитные. Приведем в качестве примера конец из челобитной царских иконописцев 1663 г.: „Милосердый государь пожалуй нас холопей своихъ бѣдныхъ за беспрестанную нашу работишку... Царь Государь смилуйся пожалуй“.¹ Эта же формула встречается во всех челобитных, поданных в любой области Московского государства.² Другой формы обращения к князю, к царю не могло быть в XVI—XVI вв., и она поэтому включается в ткань произведения, тем более что в конце автор записи все чаще обращается к формам письменной речи, сокращая изложение былины.

Анализ языка текста XVI в. „Сказания о киевских богатырях“ в сборнике Барс. 1463 дает основания предполагать, что оно является устным произведением, первоначальная запись которого была сделана

¹ Ркп. Лечебник из собрания В. Н. Перетца (Институт мировой литературы) конца XVII — начала XVIII в., О. № 76, глава 41.

² Травник, перевод немчина Любчанина XVI в., ркп. XVII в. Гос. Ист. музей Уварова № 2192.

³ Часто встречающееся выражение в говорах сев.-русск. наречия. См., например, записи экспедиции ИЯМ АН СССР 1938 г.

⁴ А. Насонов. Псковские летописи, I. Л., 1941, стр. 138.

⁵ Там же, стр. 145.

⁶ Там же, стр. 145.

⁷ М. Н. Сперанский. Девгениево деяние. Петроград, 1922, стр. 150, 164.

⁸ И. Е. Забелин. Материалы для истории русской иконописи. Временник ОИДР, кн., VII, М., 1850, стр. 51 и др.

⁹ См., например, челобитные псковские в „Трудах Псковского Археологического Общества“, в. 8, Псков, 1912, стр. 278.